

Вторая половина 80-х и первая половина 90-х — период успешных археологических разведок в разных уголках Алтая. Долгое время я хотел побывать в селе Победа Целинного района, где находился поселковый краеведческий музей с некоторыми археологическими находками. Всё как-то не выходило: то времени не хватало, то в армии служил. И вот, наконец-то, в конце лета я вышел из рейсового пазика на его конечной остановке. Огляделся. Вокруг типичное ухоженное село. Центральная улица асфальтирована, за аккуратными деревянными оградами зелень садов. Спрашиваю у встречного мужичка про Петра Фёдоровича Рыженко. Мне тут же подробно указывают дорогу. Оказывается, краевед живет на другом, правом, берегу Чумыша. Там покажут, так как бывшего учителя и директора школы знают все.

Я перешел по деревянному мосту Чумыш, не слишком широкую, но довольно быструю и полноводную реку, поднялся

по дороге к селу, которое начиналось кирпичным магазином. Как обычно, около магазина толкуются женщины, перебивая косточки своим соседям и знакомым. Они охотно и понятно объясняют дорогу, и через несколько минут я захожу в аккуратный ухоженный двор. Слева «круглый» бревенчатый дом и садик, отделяющий его от уличной ограды. Вдоль ограды растет несколько елок, кедров и пара дубов. Справа — гараж, баня и летняя кухня, организованные в единый длинный домик. Прямо виден ухоженный огород. Ко входу ведет крылечко в три ступеньки. Рядом, под окошком, выходящим во двор, на завалинке лежит несколько ржавых железок и, о чудо, зуб мамонта. Это я попал куда надо.

Видимо, заметив гостя в окно, спустился по крылечку седой мужчина лет шестидесяти в теплой стеганой безрукавке, домашних помятых брюках и войлочных чунях. На морщинистом лице с крупным носом из-под седых кустистых бровей глядели светлые умные глаза. В них читался вопрос: «Кто же ты, мил человек?»

— Здравствуйте, мне нужен Пётр Фёдорович.

— Добрый вечер, я он и есть.

— Я археолог из АГУ, Артур Кунгуров. Меня из лаборатории археологии откомандировали для знакомства с вами, чтобы осмотреть находки и местность.

Я оказался на летней кухне за столом и ел вареную картоху с салом, запивая молоком, на столе также находился тазик с помидорно-огурцовым салатом. За трапезой мы степенно беседовали. Я рассказывал, где и когда работал на Алтае, на Украине, в Литве. Чем интересуюсь, что знаю. После ужина мы поехали по окрестностям села на хозяйском мотоцикле «Урал», Рыженко показал места находок археологических артефактов — погребений бронзового века: керамики, бронзовых котлов, даже мраморной женской головки. Обо всем этом я далее расскажу поподробней.

Я попросил Петра Фёдоровича высадить меня за речкой Шамонихой, хотелось пройтись вдоль берега Чумыша, посмотреть и оценить рельеф, удобство его использования с позиций древних охотников, рыболовов и скотоводов, осмотреть распахну и осыпи.

— Не заблудишься?

— Пётр Фёдорович, я уже пятнадцать лет по экспедициям

мотаюсь. Да и блукать тут негде — вот река, вот дорога. Прогуляюсь, осмотрюсь, к вечеру подойду.

Рыженко умчался на своем «Урале», а я пошел по кромке борта долины Чумыша вниз по течению. Берег изобиловал логами, которые большей частью заросли кустарником и высокой пойменной травой. На распаханной поверхности высокого цокольного мыса мне попались фрагменты керамики, а при детальном осмотре поверхности я неожиданно нашел небольшую бронзовую пряжку с неподвижным выступающим язычком. Пати́на¹ на изделии древних мастеров ярко-зеленая, плотная и блестящая, то есть предмет очень долго лежал на поверхности, а не был вывернут из какого-нибудь погребения. Типичная «случайная находка» раннего железного века (вторая половина I тыс. до н. э.).

Походив еще по полю и ничего больше не найдя, я спустился с мыса и направился по грунтовой дороге к обширной низине, которую раньше занимал поселок Октябрьский. С его наименованием произошел интересный случай. На другой стороне Чумыша, на высоких береговых мысах в 60-х годах археолог А. П. Уманский раскопал несколько курганов того же времени, что и найденные мною пряжка и керамика. Местность там называлась «гора Точка». Чем-то это название Алексею Павловичу не понравилось, и он решил позднее дополнить его именем поселка, расположенного на правом берегу, где я теперь бродил среди западин², оставшихся от домов. Однако Уманский забыл наименование поселка, вроде что-то такое праздничное. И он решил — пусть будет Юбилейный. Так появился курганный некрополь Юбилейный (Точка). Я подумал, что надо потом с Рыженко про названия поговорить, ведь каждый мыс и каждый лог как-то именуются, а памятников, видимо, здесь будет много.

Собрав на пашне южнее бывшего поселка еще несколько фрагментов керамики раннего железного века, я направился обратно в Победу. Тут из-за пригорка выскочил мотоцикл Рыженко. Он меня потерял и поехал искать. Дома я продемонстрировал

---

¹ Па́тина — пленка или налет на меди и ее сплавах.

² Запа́дина – углубление, отлогая яма, впадина.

находки. Особенно Петра Фёдоровича удивила пряжка скифского времени.

— Нет, ну ты смотри! — потихоньку бурчал он. — Я же там сто раз был, а ни керамики, ни пряжек не находил.

— Пётр Фёдорович, вы же на мотоцикле ездили, а надо пешком ходить. И под ноги внимательно смотреть!

На следующий день Пётр Фёдорович повел меня в школу Степь-Чумыша, чтобы познакомить со своими находками. Почему в школу? Когда Рыженко работал директором, в ней находился сельский краеведческий музей. Сейчас же сельская администрация готовила для музея место в одном из двухэтажных домов, имеющих жилые и административные помещения. Все находки из окрестностей сел Победы и Степь-Чумыш были подготовлены к транспортировке и аккуратно сложены в одной комнате. На школьной парте стояли самые удивительные предметы — два бронзовых котла, мраморная женская головка и коробка с костяными или роговыми наконечниками гарпунов. Где-то в других коробках и пакетах лежали коллекции из керамики, костяных, железных и бронзовых изделий.

Первым артефактом в моих руках оказалась неровно отколотая от туловища по линии шеи мраморная голова женщины размером с небольшой арбуз. Скажем прямо — редкая находка на просторах Сибири. Я знал только об одном таком предмете, найденном в 50-х годах на реке Чарыш. За давностью лет неизвестно, что она из себя представляла. Мраморная голова была изрядно побита и даже имела существенные отколы.

— Кто это ее так? И откуда она вообще тут взялась? — спрашиваю у Рыженко.

— Так ее мужики наши обнаружили, когда погреб копали. Думали, валун и, пока ломом колупали, поцарапали. Только потом разглядели, что это голова, и мне принесли.

— А глубина находки?

— Метра полтора. Могила, видимо, какая-то древняя. Там вроде бы еще кости были.

Некоторое время я разглядывал мраморное изделие. Мрамор очень плотный, однородный и слегка желтоватый, как у многих античных скульптур, которые я ранее видел в музеях Москвы,

прежде всего в ГИМе и в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Позднее, когда рисовал это изделие для публикации, увидел ее особенность. Если смотреть изображенной женщине прямо в лицо, то создается впечатление некоего пренебрежения с ее стороны, которое скульптор передал специфичным расположением зрачков и брезгливо опущенными кончиками губ. Вкупе с необычным рельефом волос, напоминающих сплетенные растения, лицо женщины вызвало ассоциации с известным персонажем античного времени Корой-Персефоной. Как скульптура попала в Причумышье, можно только гадать.

Недалеко от этой находки в осыпи берега был найден бронзовый котел. Да и в окрестностях Победы и Степь-Чумыша известны многочисленные одиночные курганы и курганные некрополи быстрианской культуры раннего железного века. Так что велика возможность того, что артефакт связан с разрушенным в результате рытья погреба одиночным быстрианским погребением. Известно, что кочевники скифского времени с азиатских территорий Евразии не раз участвовали в набегах на античные государства Средней Азии, прежде всего Бактрию. Вот там-то и мог воин-«быстрианец» сколоть со скульптуры понравившуюся ему мраморную головку женщины. Мог ли он знать, что забирает в качестве трофея изображение девушки по имени Смерть, кем и являлась Кора-Персефона...

Рассмотрел найденный недалеко от мраморной скульптуры бронзовый котел. Небольшой, массивный, на крае кромки-венчика две полукруглые ручки. Ниже два валика, отлитые вместе с котлом, судя по всему, оттиски веревочек, прикрепленных к литейной форме. Такие украшения обычны для скифских котлов. Емкость котла объемом литра три-четыре опиралась на конусовидный поддон. Скорее всего, котел устанавливали на ровном месте, а под ним разводили огонь для варки мяса (шурпу, например, готовили). Поэтому поддон гораздо массивнее и толще, чем варочная емкость, — предохранение, чтобы не прогорел.

— Пётр Фёдорович, а почему внутри котла белый налет, что в нем лежало-то?

— Так мужик, который котел нашел, в нем известь гасил, пока я у него эту находку не забрал в музей.

— А второй котел откуда?

— Я его сам нашел в устье реки Власихи — это мелкая речка, впадающая в Чумыш слева, чуть выше Победы. Потом съездим, посмотрим.

Второй котел оказался больше, литров на восемь-десять, практически бронзовое ведро. Выглядел он гораздо наряднее и «потрепаннее», с многочисленными заплатками повыше поддона. Видимо прогорал в процессе использования. Ручки на краю полукруглые с отливкой сверху в виде грибочка — часто встречающийся мотив на котлах и других изделиях этого времени. Не мухоморы ли изображали на них кочевники? Ручки котла плоские с тремя валиками. Под ручками такие же, как у первого котла, два параллельных валика из оттисков веревочек.

— Кстати, там, в осыпи, рядом с котлом, череп человека еще мы с ребятней нашли, его новосибирцы забрали для исследования (до сих пор не известно о нем ничего, лежит, видимо, где-то в хранилище).

— А наконечники гарпунов, копий и кинжал костяной откуда?

— Всё ребятня из моего кружка краеведческого на пляже чуть ниже моста нашла.

— Всё?

— Все гарпуны и копье. А вот этот костяной кинжал местные из Черемшанки нашли около села на галечной косе, рядом с взорванной пещерой.

— Интересно, а что за пещера?

— Да, местные балбесы пещеры, которые около села, решили взорвать, а известняковые обломки пережигать на известь. Но, как я сказал, балбесы. Договорились с кемеровчанами-взрывниками. Те пещеры подорвали, а они просто осели глыбами весом по несколько тонн. Так и стоят заваленные.

«Целее будут», — подумал я, размышляя, откуда на пляжах столько гарпунных наконечников. Они очень древние, частично окаменевшие и изготовлены из рогов северного оленя (это подтвердил позднее палеозоолог П. Косинцев). А кинжал вообще оказался изготовлен из ребра ископаемого бизона. Ну, это они

сейчас ископаемые, а тогда вполне живые и, скорее всего, достаточно шустрые и бодучие. Мало кто из наших современников знает, что размах рогов бизона-быка мог достигать двух метров, а вес 2-2,5 тонн. Поэтому кинжал из толстого массивного ребра с заточенным до остроты иглы кончиком, острым даже сейчас, считался очень опасным оружием. Рукоять, оббитая ударником, вероятно, еще обматывалась кожаным ремнем. А почему столько специфичных наконечников, становится понятным, если вспомнить карту Причумышья.

Чумыш тут делает петлю, именуемую «локоть». Даже село с таким названием имеется на самом изгибе этого локтя. Чумыш сначала бежит в южном направлении, но упирается в массив Кивдинского кряжа³ и, не в силах его преодолеть, поворачивает на север. Получается, что Чумыш образует своеобразную петлю, которая создает для сезонных мигрирующих животных не совсем, конечно, ловушку, но такой речной загон, который они могут преодолеть в нескольких пригодных местах. Вот в этих-то местах переправляющиеся стада и караулили охотники, вооруженные копьями с гарпунными и обычными наконечниками.

Археологи и этнологи такие точки охоты на переправах мигрирующих животных называют «поколом». Во время охоты некоторые копья с роговыми и костяными наконечниками после промаха тонули в реке и сохранились в речных отложениях до наших дней.

Наконечники из коллекции Рыженко специфичные. Кроме прямых, предназначенных для нанесения смертельного удара (на Енисее при раскопках палеолитической стоянки Кокорево I такой наконечник, именуемый наконечником «кокорево-ского типа», найден вонзившимся в лопатку бизона), имелись наконечники с попеременным расположением зубцов. При попадании в зверя такой наконечник, цепляясь то одним, то другим зубцом, постепенно проникает в тело и обездвиживает животное, которое охотники находят по кровавому следу и добивают кинжалами

---

³ Кряж — невысокая горная цепь; холмистое плоскогорье.

типа черемшанского. А охота-покол происходит при переправе животных через реку, когда они частично теряют свои скоростные и силовые качества.

Позднее я периодически приезжал для разведки и раскопок в Причумышье, знакомился с новыми необычными случайными находками из окрестностей села. Так обнаружены короткая изогнутая железная сабля с елманью (прямой срез на окончании лезвия), найденная пастухом в логу, именуемом Солоновка, металлическое навершие в виде верблюда-бактриана в полном снаряжении и многое другое.

Один раз подобная находка случилась в нашем присутствии, я тогда проводил разведку на Чумыше с Владимиром Семибратовым. Мы сидели в новом музее и пили с Рыженко чай. Тут зашел знакомый Петра Фёдоровича, поздоровался и высыпал из верхонки горсть керамики.

— Вот, нашел, когда собачку свою закопать решил.

— Бобик, что ли, помер?

— Ага, время его пришло. Так вот, начал копать, а там это. Явно что-то древнее, как у вас в экспозиции на стене. Собачку я в другом месте похоронил, а черепки вот принес.

Мы перебрали керамику.

— Это андроновская культура бронзового века XVIII-XV вв. до н. э., где-то 3,8-3,5 тысячи лет назад, — сказал я, рассмотрев керамику.

Такие же точно черепки по весне обнаружили школьники на озере Горином, когда там строители соорудили водотводной канал, препятствующий весеннему подтоплению Степь-Чумыша.

— А далеко ты это нашел? — спросил Пётр Фёдорович.

— Да нет, в Сосновом логу.

— Поехали, покажешь.

На двух мотоциклах мы за пятнадцать минут доехали до места находки андроновского поселения. Место было необычным, как и озеро Гориное. Там поселение располагалось прямо в болоте, а здесь на более-менее пологом участке дна лога рядом с заболоченным руслом ручья, который, видимо, оживал после сильных дождей или весной во время таяния снега.

Утром следующего дня мы с Семибратовым заложили в Соновом логу шурф⁴ площадью четыре квадратных метра и столкнулись с непредвиденной сложностью. Не смогли воткнуть лопату в дерн. Всё хрустело и скрипело от обилия керамики, обломков камня, костей животных и костяных орудий.

Находок было очень много, только костей оказалось почти полторы тысячи. Обломков сосудов с характерным геометрическим и «елочным» андроновским орнаментом около трехсот фрагментов. Попались также костяные орудия для обработки кожи и формования сосудов, рукоять из рога косули, обломки пестов, абразивов⁵, металлургические шлаки и обломки бронзолитейного тигеля⁶ с андроновским орнаментом.

Позднее, благодаря Рыженко, мы обнаружили еще несколько подобных мест и все располагались в пойме Чумыша и низинах. Конечно, скотоводы бронзового века не жили в болоте и на сырой речной пойме. Скорее всего, в то время просто было теплее и суше, а места поселений располагались на удобных полянах около ручьев и озер, которые только в наше время обводнились и заболотились.

Итогом работ в окрестностях Победы стала фиксация, паспортизация и включение в отчеты по Открытым листам свыше сотни стоянок, поселений, курганных и грунтовых некрополей разного времени. В конце 90-х — начале 2000-х часть памятников Верхнего Причумышья исследовали археологи Барнаульского государственного педагогического университета и Новокузнецкого краеведческого музея. Находки этих экспедиций были чрезвычайно интересными.

---

⁴ Шурф — небольшой или пробный раскоп в археологии или почвоведении.

⁵ Абразив — твердый мелкозернистый материал, используемый при шлифовании, полировке, заточке.

⁶ Тигель — огнеупорный сосуд для нагрева, высушивания, сжигания, обжига или плавления различных материалов.